

Практическое занятие 4.

Magisterské studium.

Бессоюзное предложение. Многокомпонентные конструкции.

Задание 1. Подберите к бессоюзным сложным предложениям синонимичные союзные (сложносочиненные или сложноподчиненные). Определите смысловые отношения между предикативными частями.

Опять однообразно завизжала скрипка; загудел и задрожал бубен.

Стол был совершенно пуст, только перед Дорошенко, делопроизводителем суда, лежала стопка бумаг.

За ними помещались судьи, спинами к окнам; от этого их лица были темными.

Прошу вас: ни слова о жене и об анонимных письмах.

Ноздри у него раздувались, грудь прерывисто дышала.

Он едва успел раздеться – так ему хотелось спать.

Я не мог заснуть: передо мной во мраке все крутился тот мальчик.

Семь раз отмерь – один раз отрежь.

Вдруг я чувствую: кто-то берет меня за руку и толкает.

Не раны, не больное легкое мучило его – раздражало сознание ненужности.

Оборачиваюсь: Грушницкий.

Поведение Нагульного все расценивали по-разному: одни ободряли, другие порицали, некоторые помалкивали.

Задание 2. Охарактеризуйте бессоюзные сложные предложения: укажите количество предикативных частей, смысловые отношения между ними.

Не было грязи, тоски, однообразия жизни, в теле чувствовалась бодрость, душа была светла и чиста и играла бессознательной радостью.

Ни их игру глядел, сидя на подоконнике, штабс-капитан Лещенко, унылый человек сорока пяти лет, способный одним своим видом навести тоску; все у него в лице и фигуре висело вниз с видом самой безнадежной меланхолии.

Нет, подумайте, Ромашов, подумайте: кто вам дороже и ближе себя?

Появились новые, смелые, гордые люди; загораются в умах пламенные свободные мысли.

Задание 3. Укажите число предикативных частей, определите смысловые отношения между предикативными частями. Начертите схемы предложений.

Ответьте мне прежде всего: интересует вас хоть сколько-нибудь то, что о ней говорят?

Ромашову, правда, почудилось, что кто-то белый мелькнул по неосвещенной комнате мимо окон, но ему стало почему-то страшно, и он не решился окликнуть Назанского.

Татьяна Афанасьевна подала брату знак, что больная хочет уснуть, и все вышли потихоньку из светлицы, кроме служанки, которая снова села за прялку.

Через час явилась возможность ехать: метель утихла, небо прояснилось, и мы отправились.

Надобно сказать правду, что сначала ему было несколько трудно привыкать к таким ограничениям, но потом как-то привыкло и пошло на лад.

Я понимал, что выручить нас может только случайность: или вода внезапно перестанет прибывать, или мы натолкнемся на этом берегу брошенную лодку.

Хотя он и знал дорогу, но в прошлый раз ездил к танкистам днем; ночью же все казалось другим, незнакомым.

Комната, в которую мы вошли, была разделена барьером, и я не видел, с кем говорила и кому кланялась моя мать.

Сонная вода густо и лениво колыхалась под его ногами, мелодично хлопая о землю, а месяц отражался в ее зыбкой поверхности дрожащим столбом, и казалось, что это миллионы серебряных рыбок плещутся на воде, уходя узкой дорожкой к дальнему берегу.

Так он говорил, и в то же время у него в самых тайниках души шевелилась лукаво-невинная мысль, что его терпеливая покорность растрогает и смягчит всевидящего бога.

Мир разделялся на две неравные части: одна – меньшая – офицерство, которое окружает честь, сила, волшебное достоинство мундира; другая – огромная и безличная – штатские.

Пока он писал, горячо и быстро, он сам не замечал этих недостатков, но стоило ему рядом со своими страницами прочитать хоть маленький отрывок из великих русских творцов, как им овладевало бессильное отчаяние, стыд.

Во всем, что наполняет комнату, чувствуется нечто давно отжившее, какое-то сухое тление, все вещи источают тот странный запах, который дают цветы, высушенные временем.

Лопатина стало клонить ко сну, и он обрадовался, когда в дверях появился шофер и доложил, что машина готова.

Когда я пробудился утром, в голове моей гудело, а во всем остальном теле ощущалась свинцовая тяжесть.

Мой скромный уездный поезд ждал меня на дальней платформе, и я уже был рад тому уединению и отдыху, который предстоял в нем.

Мы отужинали, и, когда остались вдвоем, я рассказал ему свои похождения.

Поля тянулись вплоть до самого небосклона, то слегка вздымаясь, то опускаясь снова; кое-где виднелись небольшие леса и, усеянные редким и низким кустарником, вились овраги, напоминая глазу их собственное изображение на старинных планах екатерининского времени.